







DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-478-494

Научная статья / Research article

Латинская Америка и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: конструктивистский анализ


М. Турци¹  , А. Мендес^{2,3} ¹Университет Центра макроэкономических исследований, Буэнос-Айрес, Аргентина²Университет ESIC, Мадрид, Испания³Лондонская школа экономики и политических наук, Лондон, Великобритания marianoturzi@uca.edu.ar

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения между Латинской Америкой и Китаем. Авторы пытаются ответить на вопрос, почему страны региона проявляют пассивность в контексте их взаимодействия с таким проектом, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Актуальность темы обусловлена постепенным ростом значимости и присутствия Китая в Латиноамериканском регионе. Китай является одним из ключевых экономических партнеров ряда латиноамериканских стран. Однако страны региона не проявляют особой активности в своем взаимодействии с АБИИ, несмотря на наличие конкретных материальных стимулов. Методологически исследование базируется на использовании конструктивистского подхода. По мнению авторов, альтернативные парадигмы международных отношений, такие как либерализм и реализм, не в состоянии объяснить парадокс упорного бездействия латиноамериканских стран. Это объясняется тем, что исторически укоренившийся и культурно связанный процессуальный характер международных отношений позволяет конструктивизму раскрыть отдельные факты, которые привели к подобному результату. Авторы приходят к выводу, что правительства латиноамериканских стран «сконструировали» между собой довольно много привычных моделей поведения, которые ослабляют их способность к агентности в международных делах. В результате образовался вакуум эффективной стратегии в отношении с Китаем в регионе. Более того, такая модель взаимодействия не ограничивается только Китаем и проявляется в отношениях стран региона с США и другими внерегиональными державами.

Ключевые слова: Латинская Америка, агентность, конструктивизм, США, Китай

Для цитирования: Турци М., Мендес А. Латинская Америка и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: конструктивистский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 478—494. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-478-494>

Latin America in/and the AIIB: A Constructivist Analysis

Mariano Turzi¹  , Álvaro Mendez^{2,3} ¹UCA–UCEMA, Buenos Aires, Argentina²ESIC University, Madrid, Spain³London School of Economics and Political Science, London, United Kingdom marianoturzi@uca.edu.ar

Abstract. This research focuses on the relationship between Latin America and China. The authors try to answer the question of why the countries of the region have been passive in the context of their interaction with the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). The relevance of the topic stems from the gradual increase in China's importance and presence in the Latin American region. Today, China is one of the key economic partners of several Latin American countries. To date, however, countries in the region have not been very active in their engagement

© Турци М., Мендес А., 2022



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

with the AIB, despite the existence of specific material incentives. Methodologically, the study is based on a constructivist approach. According to the authors, alternative paradigms of international relations, such as liberalism and realism, fail to explain the paradox of stubborn inaction by the countries of the region. This is due to the fact that the historically rooted and culturally bound procedural nature of international relations allows constructivism to uncover the individual facts that led to this result. The authors conclude that governments in the Latin American region have “constructed” between themselves quite a few customary modes of behaviour which debilitate their demonstrated capacity for agency in international affairs. This has created a vacuum of effective strategy in relations with China in the region. Moreover, this pattern of engagement is not limited to China and is evident in the relations of regional countries with the US and other extra-regional powers.

Key words: Latin America, agency, constructivism, United States, China

For citation: Turzi, M., & Mendez, Á. (2022). Latin America in/and the AIB: A constructivist analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(3), 478—494. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-478-494>

Введение

В поисках причин того, почему государства действуют тем или иным образом на международной арене, классические теории международных отношений обращаются в первую очередь к внешнему материальному миру (Lantis & Beasley, 2018; Waltz, 1979). Этот односторонний взгляд на мир, не учитывающий невидимое и неосознанное человеческим сознанием, был назван Арнольдом Вольферсом моделью «бильярдных шаров», в которой «каждое государство представляет собой замкнутую, непроницаемую и суверенную единицу, полностью отделенную от остальных государств» (Wolfers, 1962, p. 19). Такая модель, однако, не объясняет парадоксы поведения стран, например, полное отсутствие взаимодействия стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ), несмотря на множество материальных стимулов, которые к этому располагают. Чтобы выяснить причины подобного поведения, необходимо понять, что происходит «в черном ящике» модели «бильярдных шаров» и каким образом невидимая рука или «агент(ы) перемещает шары по столу» (Houghton, 2018, p. 224). Это предполагает проведение исследования *агентности* и ее нематериальных детерминант, «роли идей, норм, знаний, культуры и аргументов в политике, подчеркивая... роль коллективных или “интерсубъективных” идей и представлений в социальной жизни» (Finnemore & Sikkink, 2001, p. 392).

Когнитивные факторы оказываются незаменимыми при сравнении различных (или

сходных) внешнеполитических действий или бездействия групп стран, обладающих одинаковыми (или различными) материальными ресурсами, когда наличие этих ресурсов не дает достаточного объяснения или объяснение представляется неубедительным. Именно так обстоит дело с предполагаемыми членами АБИИ из стран Латиноамериканского региона¹. Однако, используя конструктивистский подход к исследованию международных отношений, исследователи получают возможность «проникнуть внутрь государства [и наблюдать] за нормативными и идейными силами на уровне общества», которые формируют внешнюю политику (Kaarbo, 2015, p. 199; *Exploration and Contestation in the Study of World Politics*, 1999). Конструктивизм взламывает «черный ящик», чтобы исследователи могли проследить заключенную внутри невидимую причинно-следственную связь. В данном исследовании задача авторов состоит в том, чтобы рассмотреть отношения между странами Латинской Америки и АБИИ через призму конструктивизма, в частности, объяснить очевидную неспособность или нежелание латиноамериканских государств в большинстве случаев делать взносы в уставной капитал и выполнять обязательства перед АБИИ, несмотря на то, насколько жизненно важным может быть функциональное членство для

¹ На момент публикации шесть стран региона прекратили свое полноправное членство в АБИИ: Эквадор, Уругвай, Бразилия, Аргентина, Чили и Перу. Только Эквадор и Уругвай сделали это одновременно. Венесуэла и Боливия, являясь потенциальными членами АБИИ с 2017 г., незначительно продвинулись в процессе получения членства.

исправления одного из худших недостатков региона — нехватки инфраструктурной взаимосвязанности (Mendez & Turzi, 2020).

Основы конструктивизма

Именно Роберт Кохейн впервые обратил внимание на значение конструктивистских процессов во внешней политике, изначально назвав его «рефлексивным подходом» (Keohane, 1988, p. 379). В рамках традиционных подходов к изучению теории международных отношений принято считать, что парадигма не дотягивает до уровня теории, а является лишь методом исследования (Checkel, 1998, p. 325), «подходом», «пустым сосудом, просто определяющим социальную онтологию без... уточнения, о каких социальных отношениях идет речь» (Flockhart, 2016, p. 81). Обсуждение того, является ли конструктивизм подходящей теорией для изучения международных отношений, выходит за рамки данной работы. Однако как метод он обладает непревзойденными преимуществами, позволяя «теоретизировать о вещах, которые кажутся несвязанными, потому что концепции и предложения, обычно используемые для обсуждения таких вопросов, также не связаны» (Opuf, 1998, p. 58).

Конструктивизм десятилетиями применялся в качестве аналитической основы, альтернативной устоявшимся парадигмам международных отношений. Несмотря на наличие целого ряда работ по этой теме, из-за своей абстрактности конструктивизм недоступен «многим ученым и студентам, [которым] трудно в нем разобраться» (Houghton, 2018, p. 225). Для его более простого понимания авторы выделяют следующие пять основных положений конструктивизма: идеи, идентичность, агентность, социальные факты и самореализация. Эти элементы выстроены в «причинном порядке», то есть идеи образуют матрицу, из которой возникает идентичность. Идентичность — это особый набор идей, которые *обуславливают* агентность. В свою очередь, агентность, индивидуальная и особенно коллективная, если она носит творческий или нормотворческий характер, порождает социальные или «институциональные» факты. Эти факты закрепляются или «фиксируются»

благодаря их самореализующемуся воздействию на поведение акторов на международной арене. Читателю следует обратить внимание, что агентность, краеугольный камень конструктивизма, располагается в центре этой схемы, связывая ее воедино. Из этого следует, что идеи и идентичность являются «входами» в агентность, а социальные факты и их самореализуемость — ее «выходами».

Пять основных допущений в конструктивизме

Первое: «Идеи имеют значение»

Первое и, возможно, самое основное предположение, разделяемое конструктивистами, состоит в том, что идеи являются фундаментальными причинами действий и событий. Идеи — это блуждающие огоньки, которые легко сбросить со счетов как неосязаемые, неощутимые, неизмеримые; тем не менее, если «[сила] может быть ответом на вопрос, как ведутся международные дела, то идеи — ответом на вопрос *почему*. Следовательно, любое изучение международных отношений должно начинаться с изучения идей» (Brands, 2003, p. 1; Graebner, 1964). Идеи — это убеждения, которых придерживаются агенты, а убеждения составляют их мотивы и эмпирические правила для действий. Этот мир идей «критически важен, поскольку они создают (конституируют) как идентичности, так и интересы — отсюда и конструктивистский лозунг “Идеи имеют значение”, в рамках которого особое внимание уделяется коллективным идеям и нормам» (Houghton, 2007, p. 29). Можно сказать, что идеи — это «поэтажный план», из которого в обществе конструируется реальность, но с учетом ограничений, накладываемых на человеческую реальность «деревом» грубых фактов.

Гипотеза о том, что идеи имеют значение для внешней политики и международных отношений, была впервые выдвинута Дж. Гольдштейном и Р. Кохейном (*Ideas and Foreign Policy...*, 1993). Однако это предположение высказывалось и в более ранних работах, в которых оценивались системы убеждений отдельных агентов (Bronfenbrenner, 1961; Holsti, 1962; 1967; Osgood, 1966; Finlay, Holsti

& Fagen, 1967; Stoessinger, 1967; Gamson & Modigliani, 1971). Некоторые ученые утверждают, что «системы убеждений — это „идеи“... и, следовательно, вопрос никогда не заключался в том, „имеют ли значение“ идеи, а скорее... в том, чьи идеи [имеют значение]» (Sullivan, 2001, p. 31).

Конструктивисты отмечают, что элиты в частном и государственном секторах являются наиболее важными акторами, а может быть, и выступают единственной ключевой группой. Идеи, которыми они руководствуются, формируют то, как руководимые ими сообщества будут действовать в международной системе. Чтобы объяснить их поведение в международных отношениях, необходимо выяснить, во что они верят (Grieco, Ikenberry & Mastanduno, 2015, p. 93). Идеи служат двум политическим целям: во-первых, выполняют функции «крючков: конкурирующие элиты хватаются за популярные идеи для распространения и легитимации своих интересов, но сами идеи не играют причинной роли» (Goldstein & Keohane, 1993, p. 4; Berger & Luckmann, 1967). Как «крючки», популярные идеи экспроприируются, «чтобы оправдать действия, мотивированные соображениями богатства и власти, а не представлениями о справедливости и истине» (Krasner, 1993, p. 257). Однако обратной стороной и второй целью, которой могут служить идеи, заключается в том, что они «часто оказывают серьезное [предположительно легитимное] влияние на политику» (Goldstein & Keohane, 1993, p. 26; Sikkink, 1993).

Актуальность первого допущения для Латинской Америки

Актуальность этого конструктивистского допущения для Латинской Америки особенно важна, поскольку элиты, безусловно, являются группой, возглавляющей процесс разработки внешней политики. Два политических предназначения идей, обозначенных Дж. Гольдштейном и Р. Кохейном (Goldstein & Keohane, 1993), были хорошо представлены в литературе, и их также можно наблюдать в поведении политиков во всем регионе. В качестве «крючков» идеи используются «латиноамериканскими политическими элитами, [которые

не проявляли] стремления распространить права и свободы на всех своих сограждан или даже на большинство из них» (Weeks, 2015, p. 21); затем они становятся инструментами «поддержания господства [элит] в обществе» (Best, 2008, p. 53). Такое положение дел не является чем-то новым и восходит к периоду формирования латиноамериканских республик, когда лидеры движения за независимость или отцы-основатели государств региона, такие как С. Боливар, Х. Сан-Мартин и Б. О'Хиггинс, разработали конституции, которые были теоретически демократическими, но элитарными и авторитарными на практике. Большинство этих конституций «имело знакомое разделение властей на три ветви, но [они] давали обширные полномочия исполнительной власти, тщательно ограничивали полномочия конгресса и судов и закрепляли корпоративные привилегии только за теми группами, которые считались способными управлять обществом и удерживать его вместе» (Wiarda, 1995, p. 178).

Вторая цель идей, как утверждают Дж. Гольдштейн и Р. Кохейн, находит такой же отклик в Латинской Америке, где элиты, особенно бизнес-элиты, оказывают чрезмерное влияние на процесс разработки внешней политики. В результате в Латинской Америке «идеи элиты имеют значение», и эти идеи «с наибольшей вероятностью закрепляются в секторах, представляющих наибольший интерес для бизнес-элит» (Dargent, 2015, p. 32), и в конечном итоге они устанавливают контроль над процессом формирования внешней политики в регионе и продвигают свои интересы. Эта идея проистекает из *теории захвата*, согласно которой государственное учреждение «обязано служить тем интересам, для регулирования которых оно было создано»².

Второе:

«Идентичность имеет значение»

Второе общее конструктивистское допущение состоит в том, что идентичность имеет

² Furlong S. R. Bureaucratic Agencies: Delegation of Authority // *Encyclopaedia of Public Administration and Public Policy* / ed. by E. M. Berman, J. Rabin. New York : Taylor & Francis, 2008. P. 225. См. также: (Bernstein, 1955; Stigler, 1971).

значение, какой бы она ни была. Ученые так и не пришли к единому мнению о том, что такое идентичность и как она влияет на внешнюю политику (Vucetic, 2018). Мы можем кое-что рассказать о ней: она возникает из мира идей, в частности тех, в которых агенты формируют представление о самих себе. Идеи (или даже идентичности), которых придерживаются «группы и государства, не даны и не высечены в камне... [но] формируются [прежней] идентичностью акторов» (Grieco, Ikenberry & Mastanduno 2015, p. 93), в манере обратной связи. «[Сама] идентичность обуславливается множеством идейных факторов — культурой, религией, наукой и нормативными убеждениями» (Grieco, Ikenberry & Mastanduno, 2015, p. 93).

Это означает, что идентичности — это унаследованные из прошлого идеи, которые могут быть подвергнуты изменениям новыми идеями творческих агентов, таких как создатели норм. Можно сказать, что идентичность есть совокупность идей, хотя все идентичности являются идеями, но не все идеи являются идентичностями. Такого рода идеи составляют самооценку людей, будь то физические лица или международные деятели. Согласно А. Вендту, это то, что «агент или актер [стремится] приписать себе, принимая во внимание точку зрения других, то есть как [идеализированный] социальный объект» (Wendt, 1994, p. 385), и в результате «идентичность имеет значение, потому что она облегчает коллективные действия против посторонних» (Wendt, 1999, p. 293), которые не разделяют наше (идеальное) «я» и даже могут быть враждебны ему. Это может иметь далеко идущие последствия в международных отношениях. В частности, материальные силы, которые другие теоретические школы считают столь важными, на самом деле не имеют глубинного значения, как показывает конструктивизм, поскольку их интерсубъективное, социально созданное значение основывается на идеях, которые «алхимически сочетаются» для формирования идентичности. Ядерное оружие Франции и Великобритании принципиально отличается для американцев от китайского, российского или пакистанского (Wendt, 1992). Само оружие, грубо говоря,

почти одинаково, но идентичность, которую американцы и британцы создали друг для друга, делает британское оружие неопасным, в отличие от китайского. «Национальная идентичность в этом и других случаях помогает конструировать значения, придаваемые чисто материальным факторам» (Houghton, 2018, p. 227).

Актуальность второго допущения для Латинской Америки

Возможно, из-за значительного идейного сходства среди стран региона, усложняющих выделение чего-либо отличительного, каждое латиноамериканское государство уделяет много внимания построению и поддержанию национальной идентичности. Они «организуют национальное пространство-время, обеспечивая повествование об исторической преемственности национальной территории и точки во времени и пространстве для запоминания ключевых моментов этого повествования» (Radcliffe & Westwood, 1996, p. 171). Это сугубо элитарный проект. Те, кто руководит основными институтами, скрепляют «сосуд власти» (Zhang, 2017, p. 332) национального государства и его собственной территории, используя идеологию, культуру и историю для создания общего гегемонистского порядка историй, образов, символов и ценностей, выбранных для создания единой идентичности для многих людей с различными идентичностями (например, семейными, религиозными, «сословными» и расовыми), которые составляют одну нацию, но которые могли бы составить несколько наций или вообще ни одной.

Национальная идентичность является инструментом поддержания суверенной власти внутри страны и за рубежом. Это дискурс, способный мобилизовать или демобилизовать общественно-политические группы. «Это современный [то есть постсредневековый] политический инструмент, который обеспечивает способ координации и объединения различных интересов, ценностей и целей, тем самым предлагая возможность мобилизации посредством других идентичностей» (Lambert, 2006, p. 21). Любая работающая идентичность содержит в себе нечто стоящее, что работает на нее.

Третье:
агентность является ключевым фактором, особенно креативная агентность (нормотворчество)

Предположение, разделяемое большинством сторонников конструктивизма, состоит в том, что краеугольным камнем этой теории и метода является *агентность*. А. Вендт олицетворяет школу вседиспозитивности конструктивистской деятельности своей поговоркой: «Анархия — это то, что из нее делают государства» (Wendt, 1992, p. 391). Конструктивисты придерживаются понятия агентности вопреки нередко оспариваемому значению концепции: «Актеры и агенты трактуются как синонимы, а атрибуты агентности могут меняться не только в пределах теорий, но и в пространстве предложения. Редко бывает ясно, что такое агентность, что значит осуществлять агентность или кто и что может это делать» (Wight, 2006, p. 178).

Агентность — это способность людей и институтов действовать самостоятельно, по крайней мере в том, что касается проявления инициативы. Агентность ограничена обществами, в которые включены представители — как индивидуумы, так и коллективы, которые обуславливают и, следовательно, ограничивают «[представления] о том, что они хотели бы сделать. По той же причине большая часть того, что мы считаем агентностью, состоит из желаний и поведения, которые социально обоснованы» и усилены (Lebow, 2016, p. 146—147). Говоря более простыми, понятными и готовыми терминами, такая агентность — это человеческая «способность мыслить, действовать и делать выбор независимо» (Giddens et al., 2017, p. 46). Э. Гидденс (Giddens, 1985) уточняет, что это особый вид политической власти, поскольку он подразумевает «преобразующую способность», «способность вмешиваться в данный набор событий, чтобы каким-то образом изменить их» (Giddens, 1985, p. 7), и который, как можно предположить, возникает из-за специфической человеческой способности к самосознанию и самореференциальности.

Существует множество других более сложных попыток описания, что такое

агентность: это «временно сконструированное взаимодействие акторов различных структурных сред — временных реляционных контекстов действия, которые посредством конвергенции привычки, воображения и суждения одновременно воспроизводят и преобразовывают эти структуры в интерактивный ответ на проблемы, возникающие в связи с изменяющимися историческими ситуациями» (Emirbayer & Mische, 1998, p. 963), зеркало деятельности, которое «ловит ее в действии», в ее сущностной обоюдоострой природе как социальной конструкции, воспроизводит, заменяя непрерывно и «автоматически».

Подводя итог, можно сказать, что «люди имеют значение, потому что именно они создают — и способны изменять — социальную реальность» (Houghton, 2007, p. 28). Во взаимодействии агентности и структуры (то есть предшествующей агентности) «акт построения, со-устройство людей и общества создают [внешнюю политику]» (Giddens, 1979; Onuf, 1989, p. 42). Это подразумевает, что то, чего «небольшим государствам не хватает в структурном влиянии, они [в состоянии] компенсировать через творческую агентность» (The Diplomacies of Small States..., 2009, p. 2).

*Креативная агентность
в Латинской Америке*

Близость стран Латинской Америки и Карибского бассейна к Северному колоссу может ввести аналитиков в заблуждение, приводя к выводу, что региону не хватает политически значимой агентности. Несомненно, деятельность государств ЛАКБ ограничена системной властью США, но системы не являются безраздельными и агентность вечно проскальзывает в «трещинах» или изъянах, которые существуют и в гегемонистской сфере. То, чего государствам ЛАКБ недостает в структурной власти, они могут компенсировать за счет нормотворческой агентности (Mendez, 2017). Примечательно, что в последнее время наблюдается все больше самостоятельности в отношениях государств региона с Пекином; например, Панама, похоже, отказывается от своей традиционной зависимости от США в пользу отчетливо

нормотворческого подхода, по крайней мере на данный момент, и развития коммерческих, если не стратегических, отношений с КНР³. Актуальным здесь также является взаимодействие с АБИИ некоторых стран региона, которые бросили вызов усилиям США, направленным на то, чтобы их союзники не стали членами банка развития. Ради этого они утверждают, что АБИИ подорвет установленные стандарты в области прав человека, сложившиеся торговые связи и нарушит экологическую устойчивость. Агентность в регионе была успешной в основном в краткосрочных, а не долгосрочных проектах.

Важным исключением было определенное влияние, которое некоторые страны Латинской Америки оказали на мир в целом посредством «создания норм», особого типа агентности, что убеждает «критическую массу государств (лидеров нормотворчества) принять новые нормы» (Finnemore & Sikkink, 1998, p. 895), особенно «в разработке новой правовой практики и установлении новых стандартов в области прав человека» (Sikkink, 2015, p. 356). В многосторонних организациях такие агенты также известны как «новаторы международных правил» (Dominguez, 2007, p. 85), которые демонстрируют «преобразовательную способность в управлении новыми процессами сотрудничества и секторальной интеграции» (Riggirozzi & Tussie, 2017, p. 17).

Четвертое: очевидная реальность против институциональных фактов

Четвертое допущение конструктивизма — это «критическое различие между “грубыми” (или естественными, очевидными) и “институциональными” (или социальными) фактами» (Houghton, 2018, p. 226). Первым об этом написал Д. Серл (Searle, 1995), который «окрестил некоторые факты, зависящие от человеческого согласия, “институциональными фактами”, в отличие от неинституцио-

нальных или “грубых” фактов. Институциональные факты называются так потому, что для своего существования они требуют человеческих институтов. Очевидные факты не требуют для своего существования никаких человеческих институтов» (Searle, 1995, p. 2). Очевидные факты — это «данные», которые должна анализировать любая теория (Kratochwil, 1989), потому что данные «не зависят от наших идейных убеждений или представлений о своем существовании» (Houghton, 2007, p. 28).

Гравитация — это очевидный факт, данность. Мы можем спрыгнуть с верхнего этажа здания в Лондоне, полагая, что гравитация создана обществом и поэтому может быть реконструирована, но мы все равно разобьемся об асфальт. В отличие от этого большинство политических вопросов представляют собой придуманные понятия, которые начинаются и заканчиваются тем, что некоторые действующие лица решают начать или закончить их (или соглашаются, сознательно или нет, с выбором других). Например, 8 декабря 1991 г. СССР прекратил свое существование как международный актер по вине трех физических лиц (разумеется, при массовой и необходимой социальной поддержке) — Бориса Ельцина, Леонида Кравчука и Станислава Шушкевича, объявивших о своем решении просто распустить союз⁴. В отличие от очевидных факторов институциональные факты — это идеи, которые считаются само собой разумеющимися, потому что они уже задуманы, разработаны и реализуются... до тех пор, пока они востребованы. Можно сказать, что эти факторы «отпечатались на воске, а не на камне».

Очевидная реальность против институциональных фактов в Латинской Америке

Высота над уровнем моря — один из бесспорных фактов, с которым приходится мириться многим жителям стран Латинской Америки. Если вы прилетите в Ла-Пас в

³ См.: Mendez A. Panama Could Soon Become China's Gateway to Latin America Thanks to an Imminent Free Trade Agreement // LSE Blogs. December 5, 2018. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2018/12/05/panama-could-soon-become-chinas-gateway-to-latin-america-thanks-to-an-imminent-free-trade-agreement/> (accessed: 05.06.2022). См. также: (Mendez & Alden, 2021).

⁴ Bohlen C. The Union Is Buried: What's Being Born? // The New York Times. December 9, 1991. URL: <https://www.nytimes.com/1991/12/09/world/the-union-is-buried-what-s-being-born.html> (accessed: 05.06.2022).

Боливии, вы приземлитесь в одном из самых высокогорных городов мира, расположенном «в среднем на высоте 12 000 футов (3658 м) над уровнем моря» (Penn, 2001, p. 133).

В свою очередь двусторонние отношения между странами региона, независимо от расположения государств — на одинаковой или разной высоте над уровнем моря, являются «социально сконструированными» (Merke, 2016, p. 94). Например, Аргентина и Бразилия построили вечный мир между собой вместо традиционной вражды, предоставив друг другу «доказательства лояльности, [которые] вместе взятые помогли создать общую структуру пересмотренных ценностей, накопившихся в форме политической дружбы» (Oelsner & Vion, 2011, p. 143).

Если говорить о случае Чили и Боливии, то социальная реальность здесь совершенно иная: сложные двусторонние отношения определяются извечной взаимной «культурой соперничества» (Kasowicz, 1998; Wehner, 2010, p. 5).

Пятое: институциональные факты самореализуются или самоотрицаются

В настоящее время принято считать, что многие социальные или институциональные факты самореализуются (если не самоотрицаются). Например, почему кто-то останавливается на светофоре или принимает бумажные деньги? Простые фонари не имеют сдерживающей силы, а простые бумажные банкноты по своей сути бесполезны. Никто не останавливается на зеленый свет, потому что ожидает, что водители встречного движения остановятся, а эти водители ожидают, что вы продолжите движение, в результате чего общие ожидания взаимно реализуются. То же самое и с бумажными деньгами: каждый платит другому клочками бумаги, ожидая, что другой примет их, и каждый участник ожидает, что следующий получатель примет их, и так далее. Однако осознание того, что социальные факторы самореализуются, каким бы очевидным это ни казалось сейчас, никогда не происходило до тех пор, пока оно не возникло в контексте выявления ошибок в позитивистском эмпиризме в социальных науках, хотя ранее предполагалось, что

социальные факты так же «объективны», как очевидные факты (Houghton, 2009). Опытным путем было установлено, что вы должны отказаться от предположения, что вы являетесь внешним по отношению к миру исследуемых социальных фактов, чтобы ваша теория не стала «самосбывающимся (или самоотрицающим) пророчеством», то есть предсказанием. Именно Роберт Мертон затронул эту проблематику, назвав ее «ложным определением ситуации, вызывающим новое поведение, которое делает изначально *ложное* представление верным» (курсив наш. — *Авт.*) (Merton, 1948, p. 195). Размышляя над этим парадоксом, мы поняли, что наши представления о «реальности обладают самореализующейся силой. Теории могут быть реализованы в истории» (Berger & Luckmann, 1967, p. 145), если только практики начинают ожидать друг от друга действий в соответствии с концепциями известного академического авторитета. Этот потенциал изменения структуры, присущий социальным фактам, означает, что простые *теории* обладают «конституирующим или *творческим* потенциалом» (Houghton, 2009, p. 553).

Андре Кукла (Kukla, 1994) был пионером, изучившим, как аутогенетические убеждения «рождаются взаимными», как если бы они уже предполагались между несколькими людьми, которые взаимодействуют с социальной детерминацией. Даже склонность к победе в международных отношениях несет в себе признаки того, что она рождается взаимной. С точки зрения А. Вендта, вся культура состоит из самореализующихся социальных прогнозов — что, кстати, является некоторым свидетельством того, что «культура» охватывает все пять конструктивистских допущений, сделанных «актерами, действующими на основе общих ожиданий, [которые] склонны воспроизводить эти ожидания» (Wendt, 1999, p. 42).

Самореализующиеся или самоотрицающие институциональные факты в Латинской Америке

Латиноамериканцы создали взаимную атмосферу недоверия, автаркии и отказа от сотрудничества, которая самореализуется в

той мере, в какой латиноамериканские лидеры считают ее истинной для других латиноамериканских лидеров — в лучшем случае, если они тоже не виноваты в этом, — и продолжают действовать таким образом, который вызывает взаимное подозрение, что в конечном итоге становится антагонистическим и приводит к отказу от сотрудничества, если не к откровенной междоусобице. Как только эти представления укореняются в политической культуре региона, их становится очень трудно изменить, поскольку они должны измениться для всех одновременно. Предположение о том, что другие главы государств и другие страны региона не могут рассчитывать на сотрудничество и поддержку, является взаимным, что еще больше усугубляет отсутствие сотрудничества (Edelstein, 2012).

Латиноамериканская агентность: общая характеристика

Институт «маньяна»

Дебора Гернер определяет внешнюю политику как трехэтапный процесс: «намерения, заявления и действия актора — часто, но не всегда, государства, которые направлены на внешний мир» (Gerner, 1995, p. 18). В странах Латинской Америки распространено явление активного вовлечения в воображаемые и желаемые намерения, громкие заявления, но при этом откладывая последний, самый важный этап действий до «завтра» (исп. *маньяна*). Типичным примером является повсеместное игнорирование потенциальными членами ЛАКБ в АБИИ простых шагов, которые необходимо предпринять для завершения своего членства (за исключением Уругвая, который получил статус потенциального члена в апреле 2019 г.⁵). Этот акцент на намерениях и заявлениях лиц, принимающих внешнеполитические решения, связан с тем, что во всем регионе существует устойчивая тенденция просто действовать в краткосрочной

⁵ AIB Approves Membership of Côte d'Ivoire, Guinea, Tunisia, and Uruguay // The Asian Infrastructure Investment Bank. April 22, 2019. URL: <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2019/AIB-Approves-Membership-of-Cote-dIvoire-Guinea-Tunisia-and-Uruguay.html> (accessed: 05.06.2022).

перспективе в интересах тех, кто у власти. Таким образом, элиты пренебрегают стратегическим долгосрочным планированием, так как оно не может оказаться полезным тем, кто находится у власти во время краткосрочных политических циклов. Во всем регионе распространена тенденция откладывать принятие решения, бесконечно говорить о намерениях и делать заявления (этапы политического процесса, предшествующие действиям), но потом избегать доведения процесса до конца, как только эти предварительные действия завершены и настало время действовать. Сразу же приходит на ум вывод о неформальном социальном институте, которому следовало бы дать название, что способствовало бы пониманию внешней политики в регионе ЛАКБ. Пусть это будет институт «маньяна».

Существование такого института не является специфическим выводом авторов, а опирается на эмпирическую основу. Сотрудник Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) сделал аналогичные наблюдения в присутствии одного из авторов: «[Сотрудники министерства иностранных дел латиноамериканской страны] приезжают сюда, в ОЭСР, берут на себя всевозможные обязательства, подписывают всякие бумаги, а затем возвращаются домой и никогда ничего не выполняют»⁶. Эта модель вряд ли ограничивается международными отношениями; она распространена даже в бизнесе, где неэффективность должна обходиться гораздо дороже, чем во внешней политике. Там это было названо «синдромом маньяна» (Garcia & Mendez, 2020), который, по наблюдениям, пронизывает деловую культуру некоторых латиноамериканских стран (Jessup & Jessup, 1993) и замедляет процесс принятия деловых решений во всем регионе (Grosse, 1990).

Не следует, конечно, считать, что этот институциональный факт абсолютен — некоторые латиноамериканские компании управляются исключительно хорошо по любым стандартам (Stephens & Greer, 1995), — просто это очень распространенная, своеобразная

⁶ Личная беседа одного из авторов с анонимным источником в ОЭСР.

культурно-социальная норма, которая оказывает прямое и заметное влияние на ведение внешнеполитических дел в Латинской Америке и Карибском бассейне. Эта реальность подтверждается рядом ученых, выдвинувших теории о ее происхождении. Некоторые говорят, что исторически это связано с мавританской культурой Андалусии (Lewis, 2003); другие считают, что это происходит из-за (отсутствия) интернационализации трудовой этики: «В культурах, где действует внешний локус контроля, люди склонны больше откладывать принятие решений (“синдром маньяна”), чем в культурах, где действует внутренний локус контроля» (de Mooij, 2011, p. 252). Третьи связывают происхождение «синдрома маньяна» с предшествующими культурными факторами, такими как педагогика (Leidner et al., 1997; Kras, 1995), различные концепции времени (de la Vega & Callado, 2002; Raat & Brescia, 2010; Huntington, 2004b) или религии (Huntington, 2004a). Сторонние наблюдатели даже описывают его как нечто *заразное* (Martin, 2014), а также как источник конфликтов с людьми из других регионов мира (Hurn & Tomalin, 2013).

Фантазийная (неполная) агентность

Имеет смысл сказать, что рука об руку с институтом «Маньяна» идет синдром, который можно было бы назвать фантазийной агентностью, потому что она заменяет общение с реальным миром (Mendez & Turzi, 2020; Mendez, 2019). Создание видимости реальности становится более важным, чем сама реальность. Латиноамериканцы имеют тенденцию потворствовать друг другу в этом, избегая, например, проверки ученых степеней друг друга. Получение образования за границей очень престижно в регионе, поэтому многие декларируют, что имеют его, поскольку трудно доказать обратное. Возьмем очень типичный пример: Иван Дуке во время своей кампании по избранию на пост президента Колумбии в 2018 г. утверждал в своем резюме, что у него есть степень, присужденная в Гарварде, знаменитом университете «Лиги плюща», но «хотя он был принят на одну из его программ [по заявлению представителя Гарварда], “он не завершил ее, так как ушел”.

Его учеба Гарварде, как оказалось, представляла собой два пятидневных курса... [только когда это выяснилось, он] внес поправку в свое резюме»⁷.

Точно так же в 2018 г. в Перу разразился скандал, когда пресса сообщила, что пятеро парламентариев — Моисес Мамани, Бетти Ананкули, Эстер Сааведра, Есения Понсе и Марица Гарсия — солгали о том, что они закончили среднюю школу, но ни один из этих случаев не был расследован в Конгрессе⁸. В 2005 г. Себастьян Пиньера, несмотря на то, что у него была докторская степень, полученная в Гарварде, приукрашивал правду, заявляя, что он закончил учебу с «высшим отличием» (несуществующая квалификация гарвардских ученых степеней), и он упрямо сочинял, что читал там курс (Daza & del Solar, 2017). Даже бывший президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер стала жертвой десятилетнего спора по поводу ее юридического образования⁹. В этом случае, даже несмотря на то, что она получила степень, фантазийная агентность была активизирована, чтобы сфальсифицировать то, что было на самом деле правдой¹⁰.

Однако подмена реальности видимостью никоим образом не ограничивается для людей общественной жизнью, но также глубоко развращает политику. Где еще правительству может сойти с рук то, что оно делает вид, что «развивает» свое Тихоокеанское побережье, а на самом деле оно считает поездку туда слишком опасной, чтобы увидеть регион собственными глазами! В августе 2014 г. одного из авторов пригласили в г. Кали на

⁷ Duque Ready to Become Colombia's Youngest President // *Financial Times*. June 11, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/097800e2-6d03-11e8-852d-d8b934ff5ffa> (accessed: 05.06.2022).

⁸ Certificados y títulos falsos persiguen a Fuerza Popular // *La República*. 22.04.2018. URL: <https://larepublica.pe/politica/1231430-certificados-y-titulos-falsos-persiguen-a-fp/> (accessed: 05.06.2022).

⁹ ¿CFK no tiene título de abogada? // *Chequeado*. 12.11.2014. URL: <https://chequeado.com/ultimas-noticias/icfk-no-tiene-titulo-de-abogada/> (accessed: 05.06.2022).

¹⁰ Para la Justicia no hay dudas: Cristina Kirchner es abogada // *Infobae*. 06.11.2014. URL: <https://www.infobae.com/2014/11/06/1606860-la-justicia-no-hay-dudas-cristina-kirchner-es-abogada/> (accessed: 05.06.2022).

официальную презентацию, посвященную освоению побережья, где утверждалось, что совершенно новая супермагистраль проходит из г. Кали в единственный значительный тихоокеанский порт Колумбии (г. Буэнавентура), а на самом деле автор, который только что вернулся из путешествия по той самой дороге, увидел своими глазами, что дорога не только старая, но и в таком ужасном состоянии, что только на карете можно было проехать по этим ухабам. Новое шоссе было мечтой наяву, предназначенной для посторонних слушателей. Справедливости ради нельзя не отметить, что в последнее время то тут, то там вдоль дороги появлялись новостройки. Фантазийная агентность не полностью исключает действие, но бесовестно оттягивает его на долгое время.

Таким образом, можно сказать, что фантазийная агентность является стандартным параметром внешней политики стран ЛАКБ, условием, которое исключительные люди *должны преодолевать* всякий раз, когда какое-либо реальное действие выходит из региона. Такие люди существуют повсюду (хотя в других местах на них, по-видимому, меньше полагаются), и они были названы «политическими предпринимателями» — слово, первоначально придуманное Робертом Далем, который определил его в терминах *homo politicus* как людей, обладающих «умением и стремлением [мобилизовать] небольшое количество первоначальных ресурсов в значительный политический капитал» (Dahl, 1961, p. 227). Применительно к АБИИ в контексте международных отношений мы принимаем определение политических предпринимателей как «лиц, чьи творческие действия оказывают преобразующее воздействие на политику, политиков или институты» (Sheingate, 2003, p. 185), и которые могут «переформулировать вопросы идентичности в рамках конкретного институционального контекста, чтобы приступить к радикальным изменениям во внешней политике, обеспечивая теоретически эклектичную трактовку изменений во внешней политике, которая подтверждает роль агентности» (Alden & Aran, 2017, p. 14; Barnett, 1999). Это своего рода значительная

политическая исключительность, о которой не написано в истории внешнеполитической деятельности стран ЛАКБ; во всяком случае, она сильно выделяется на фоне деятельности фантазийной агентности и института «Маньяна».

Чрезмерное упование на легализм

Латиноамериканская креативная агентность известна «созданием новой правовой практики» (Sikkink, 2015, p. 356) глобального уровня воздействия. Сферу иностранных дел пронизывает «идея и представление о том, что внешняя политика... по существу является юридическим или экономическим вопросом, а не политическим или военным» (Sotomayor, 2015, p. 50). В разработке внешней политики доминируют юристы, которые чрезмерно полагаются на букву публичного международного права, культурную норму, приобретенную еще в те времена, когда иностранные дела были встроены в сделки Испанской и Португальской империй, и единственный способ, которым человек мог «считаться» кем-то вроде «пэра» королевства, было получение «докторских степеней гражданского или канонического права, и [таким образом] до недавнего времени большинство министров иностранных дел и профессиональных дипломатов имели юридические степени» (Holsti, 1996, p. 170—171). Эта традиция жива и сегодня, как предполагают авторы и подтверждают это литературными источниками. Юристы (иногда экономисты) повсеместно «отвечают за разработку и реализацию внешней политики» (Sotomayor, 2015, p. 49).

Юридическая модель внешней политики в Латинской Америке является еще одним примером и особым случаем фантазийной агентности; это культурная норма, согласно которой латиноамериканцы воображают, что получают честь и статус, «следуя закону». *Креольские элиты* считают, что в их «национальных интересах следовать закону, потому что это укрепляет [их] репутацию... Легализм — это интеллектуальная среда, в которой часто осуществляется политика» (Holsti, 1996, p. 170). Нередко политики (в случае с

АБИИ, как и в ряде других) игнорируют стимулы к стратегическим действиям из-за укorenившегося предположения, что юридические жесты и принципиальные заявления сами по себе порождают желаемые последствия. Так, латиноамериканские государства, четко осознавая свои потребности в инфраструктуре, не имеют реального представления о ее доступности. Ссуды от АБИИ, как и от любого другого банка, государственного или частного, должны быть погашены со всеми процентами после того, как усилия по созданию «присутствия» Банка в регионе ЛАКБ и гипотетической осуществимости его возможностей (не гарантий) будут реализованы. Однако их отношения с АБИИ будут считаться завершенными, как только будет оформлена правовая основа.

Фантазийная агентность, пребывающая в легалистском контексте, оказывает негативное влияние на осуществление политики, отделяя внешнеполитические намерения и заявления от реальных действий, тем самым укрепляя институт «маньяна». Здесь и может скрываться происхождение этого «правила» в пользу небрежного исполнения, отступления от классической заповеди международного права *pacta sunt servanda* (соглашения должны соблюдаться, лат.), которое, однако, легко позволяет сотрудничеству сосуществовать с конфликтом (Vermeer-Künzli, 2009). Представление фантазийной агентности о том, что небрежность или пренебрежение соблюдением соглашения не влечет за собой никаких последствий, становится самоисполняющимся пророчеством в регионе ЛАКБ в классической конструктивистской манере с потенциалом распространения на международное право. Терпимость к неисполнению обязанностей была характерна для ЛАКБ с XIX в., и несколько ученых определили ее как таковую (Dominguez, 2007; Standish & Bell, 2004; Toranzo Roca, 1992). Однако это обоюдоострый меч, который подрывает латиноамериканский авторитет так же часто, как и помогает ему выпутаться из сложной ситуации. Неудача с АБИИ в ЛАКБ — всего лишь последний случай применения этого неписаного обычного права.

Персонализм

Конечным результатом вышеупомянутого культурного влияния на ЛАКБ является склонность к персонализму в политике. Несмотря на то, что регион кажется «музеем», в котором представлены все формы правления, известные человеку, «некоторые черты латиноамериканской политической культуры и ее социальной структуры... проглядывают практически во всех типах режимов в регионе, [например] как тенденция к персонализму в стиле лидерства и отношениях с властью» (Hellinger, 2014, pp. 35—36). Латиноамериканская культура самобытна, узнаваема и влиятельна в политике: «Для многих наблюдателей международной политики Латинская Америка стала синонимом культуры каудилизма, которая, как говорят, охватывает весь континент вдоль и поперек» (Ebel, Taras & Cochrane, 1991, p. 5).

Одной из основных черт латиноамериканского персонализма, которая производит глубокое впечатление, стал тот факт, что и в правительстве, и в бизнесе управляет «разветвленная сеть личных отношений. Семья и личная дружба являются одними из величайших ценностей всех латиноамериканцев» (Feldmann, 2014, p. 34). Управление крупными предприятиями в интересах друзей и семьи сопряжено с системными рисками и в других странах мира считается дисквалифицирующим конфликтом интересов. Это обуславливает «отсутствие долгосрочного планирования, [которое] приводит... к импровизации ради выживания». Компании сосредотачиваются на «быстрой эффективности управления, направленной на получение краткосрочных результатов с упором на решение кризисных ситуаций» (Feldmann, 2014, p. 35). Методическое формирование стратегии в большинстве случаев неизвестно латиноамериканскому бизнесу; «компании работают ежедневно... [не имея] даже неявной стратегии, и, как следствие, отсутствует долгосрочное стратегическое видение» (Brenes, 2014).

Персонализм «отражает культурные различия, которые склоняют Латинскую Америку к „корпоративизму“, такому типу

общества, в котором государство относится к обществу как к семье» (Hellinger, 2014). Вскоре это перерастает в клиентелизм как в бизнесе, так и в правительстве, когда личная коррупция становится необходимой и повсеместной (Roniger, 2012). В контексте того, что Пекин на двусторонней основе продвигает инициативу «Один пояс — один путь» в государствах ЛАКБ, это означает, что те, с кем китайцам приходилось иметь дело, склонны ориентироваться на свой собственный имидж, а не на какую-либо программу или стратегию. Образ силача или каудильо оказывает большее влияние на ЛАКБ как в бизнесе, так и в политике, чем любая концепция будущего, которая будет формироваться поддающимся проверке видением того, что может и что должно быть.

Вакуум региональной стратегии

Коварное влияние фантазийной агентности и института «Маньяна» накладывает отпечаток на отношения между самими государствами ЛАКБ. Страны региона постоянно откладывают выполнение своих согласованных обязанностей друг перед другом, так что, если бы не существовало правила, запрещающего расхлябанность, его пришлось бы изобрести. Это значит, что взаимопомощи практически нет. Характерной чертой внешней политики в регионе ЛАКБ является то, что странам Латинской Америки и Карибского бассейна удается, хотя и спорадически, создавать между собой самореализующиеся, самоусиливающиеся нормы, которые могли бы нормализовать их поведение в достаточной степени, чтобы закрепить взаимное доверие, лежащее в основе коллективной деятельности (как, например, в рамках Европейского союза) даже при создании собственных многосторонних организаций, не говоря уже об участии в тех, которые, как АБИИ, были созданы иностранцами.

Высшая степень иронии заключается в том, что латиноамериканцы могут хорошо придумывать правила универсального применения, когда дело доходит до создания институтов, предназначенных для блага всего

человечества, но только не для себя. Деятельность стран Латинской Америки и Карибского бассейна выделяется среди существующих многосторонних институтов, таких как ООН и Движение неприсоединения во время холодной войны. Хартия экономических прав и обязанностей государства была одним из столпов Нового международного экономического порядка (НМЭП), провозглашенного Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. Это был билль о правах на развитие, сформулированный в универсальных терминах на благо всего человечества, поддерживающий «справедливость, суверенное равенство, взаимозависимость, общие интересы и сотрудничество между всеми государствами»¹¹. Хотя казалось, что в 1970-х гг. он был написан на основе «требований прав, связанных с развитием», и «соответствующих обязательств развитых стран и международного сообщества в целом», факт состоит в том, что этот «проект международного развития [раскрывается] как исходящий из Латинской Америки и постреволюционной Мексики в частности» (Thornton, 2018, p. 409). Однако ни Мексика, ни Латинская Америка так никогда и не извлекли для себя никакой выгоды из своего фантастического утопизма. Независимо от того, надеялись ли латиноамериканцы извлечь выгоду для себя, важно (или может иметь значение), что они все свое мышление строят вокруг правовых универсалий... и это слишком легко поддается экспроприации народами из других частей мира, которые целенаправленно преследуют свою собственную выгоду, в отличие от стран ЛАКБ.

В тех немногих случаях, когда региональным многосторонним организациям удается держаться вместе и страны региона сами ими руководят, народы ЛАКБ проявляют проблески стратегического реализма, в котором они так нуждаются. Примером может служить Вторая министерская встреча в

¹¹ Sacerdoti G. New International Economic Order (NIEO) // Max Planck Encyclopedias of Public International Law. September 2015. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1542?rskey=eOEU9N&result=1&prd=OPIL> (accessed: 05.06.2022).

рамках Форума Китай — СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна) в Сантьяго, Чили, в 2018 г., на которой Си Цзиньпин попытался привлечь к своей инициативе «Один пояс — один путь» сразу весь регион ЛАКБ, одобрив совместное коммюнике¹². Латиноамериканцы вежливо

отказались от специальной декларации Сантьяго, но Пекин просто изменил тактику и ухитрился спровоцировать каскад двусторонних одобрений со стороны правительств ЛАКБ, действующих в одностороннем порядке, не посоветовавшись со своими коллегами, — вот типичный результат для Латинской Америки.

¹² Special Declaration of Santiago of the II Ministerial Meeting of the China — CELAC Forum on the Belt and Road Initiative // Presidencia Interina de El Salvador de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños

(CELAC). January 22, 2018. URL: <https://celac.rree.gob.sv/wp-content/uploads/2018/04/Special-Declaration-II-CELAC-CHINA-Forum-22.1.18.pdf> (accessed: 05.06.2022).

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 11.06.2022
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2022

Библиографический список

- Alden C., Aran A.* Foreign Policy Analysis: New Approaches. Abingdon, UK : Routledge, 2017.
- Barnett M.* Culture, Strategy and Foreign Policy Change: Israel's Road to Oslo // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5, no. 1. P. 5—36. <https://doi.org/10.1177/1354066199005001001>
- Berger P. L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. London : The Penguin Press, 1967.
- Bernstein M. H.* Regulating Business by Independent Commission. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1955.
- Best J.* Historical Development and Defining Issues of Constructionist Inquiry // *Handbook of Constructionist Research* / ed. by J. A. Holstein, J. F. Gubrium. New York : Guilford Press, 2008. P. 41—64.
- Brands H. W.* Ideas and Foreign Affairs // *A Companion to American Foreign Relations* / ed. by R. D. Schulzinger. Malden, MA : Blackwell Publishing, 2003. P. 1—14.
- Brenes E. R.* Strategy Development // *Strategy and Competitiveness in Latin American Markets: The Sustainability Frontier* / ed. by U. Jäger, V. Sathe. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2014. P. 109—117.
- Bronfenbrenner U.* The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // *Journal of Social Issues*. 1961. Vol. 17, no. 3. P. 45—56. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1961.tb01682.x>
- Checkel J. T.* The Constructivist Turn in International Relations Theory // *World Politics*. 1998. Vol. 50, no. 2. P. 324—348.
- Dahl R. A.* Who Governs? Democracy And Power In An American City. New Haven, CT : Yale University Press, 1961.
- Dargent E.* Technocracy and Democracy in Latin America: The Experts Running Government. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107446663>
- Daza M. L., del Solar B. Piñera.* Biografía no autorizada. Santiago, Chile : Debate, 2017.
- De la Vega L. F., Callado J. E.* Casos de marketing. México : Pearson Educación, 2002.
- De Mooij M.* Consumer Behavior and Culture: Consequences for Global Marketing and Advertising. Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, 2011.
- Dominguez J. I.* International Cooperation in Latin America: The Design of Regional Institutions by Slow Accretion // *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective* / ed. by A. Acharya, A. I. Johnston. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2007. P. 83—128. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491436.003>
- Ebel R. H., Taras R. C., Cochrane J. D.* Political Culture and Foreign Policy in Latin America: Case Studies from the Circum-Caribbean. Albany, NY : State University of New York Press, 1991.
- Edelstein D. M.* Conclusions: Rethinking Interwar Grand Strategies // *The Challenge of Grand Strategy: The Great Powers and the Broken Balance between the World Wars* / ed. by J. W. Taliaferro, N. M. Ripsman, S. E. Lobell. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 308—336. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139136808.012>
- Emirbayer M., Mische A.* What is Agency? // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 103, no. 4. P. 962—1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Exploration and Contestation in the Study of World Politics* / ed. by P. J. Katzenstein, R. O. Keohane, S. D. Krasner. Cambridge, MA : MIT Press, 1999.

- Feldmann P. R.* Management in Latin America: Threats and Opportunities in the Globalized World. Cham, Switzerland : Springer, 2014. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-04750-8>
- Finlay D. J., Holsti O. R., Fagen R. R.* Enemies in Politics. Chicago : Rand McNally, 1967.
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, no. 4. P. 887—917. <https://doi.org/10.1162/002081898550789>
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4, no. 1. P. 391—416. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.391>
- Flockhart T.* Constructivism and Foreign Policy // Foreign Policy: Theories, Actors, Cases / ed. by S. Smith, A. Hadfield, T. Dunne. Oxford, UK : Oxford University Press, 2016. P. 79—94. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198708902.003.0004>
- Gamson W. A., Modigliani A.* Untangling the Cold War: A Strategy for Testing Rival Theories. Boston, MA : Little Brown, 1971.
- García R. E., Mendez A.* Mañana Today: A Long View of Economic Value Creation in Latin America // Global Policy. 2021. Vol. 12, no. 3. P. 410—413. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12938>
- Gerner D.* The Evolution of the Study of Foreign Policy // Foreign Policy Analysis: Continuity and Change in Its Second Generation / ed. by L. Neack, J. A. K. Hey, P. J. Haney. London : Prentice Hall, 1995. P. 17—32.
- Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London : Macmillan Education, 1979. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-16161-4>
- Giddens A.* The Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Oakland : University of California Press, 1985.
- Giddens A., Duneier M., Appelbaum R. P., Carr D.* Essentials of Sociology. New York : W.W. Norton & Company, 2017.
- Goldstein J., Keohane R. O.* Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change / ed. by J. Goldstein, R. O. Keohane. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. P. 3—30.
- Graebner N. A.* Ideas and Diplomacy: Readings in the Intellectual Tradition of American Foreign Policy. New York, NY : Oxford University Press, 1964.
- Grieco J. M., Ikenberry G. J., Mastanduno M.* Introduction to International Relations: Enduring Questions and Contemporary Perspectives. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2015.
- Grosse R.* Doing Business in the Andes Countries // International Business Handbook / ed. by V. H. Kirpalani. London : Haworth Press, 1990. P. 67—96.
- Hellinger D. C.* Comparative Politics of Latin America: Democracy at Last? London : Routledge, 2014.
- Holsti K. J.* The State, War, and the State of War. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628306>
- Holsti O. R.* Cognitive Dynamics and Images of the Enemy // Image and Reality in World Politics / ed. by J. C. Farrell, A. P. Smith. New York : Columbia University Press, 1967. P. 16—39.
- Holsti O. R.* The Belief System and National Images: A Case Study // Journal of Conflict Resolution. 1962. Vol. 6, no. 3. P. 244—252. <https://doi.org/10.1177/002200276200600306>
- Houghton D. P.* Constructivist Analyses of Foreign Policy // Oxford Research Encyclopedia of Foreign Policy / ed. by C. Thies. New York : Oxford University Press, 2018. P. 223—240. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.400>
- Houghton D. P.* Reinvigorating the Study of Foreign Policy Decision Making: Toward a Constructivist Approach // Foreign Policy Analysis. 2007. Vol. 3, no. 1. P. 24—45. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2007.00040.x>
- Houghton D. P.* The Role of Self-Fulfilling and Self-Negating Prophecies in International Relations // International Studies Review. 2009. Vol. 11, no. 3. P. 552—584. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2009.00873.x>
- Huntington S.* The Hispanic Challenge // Foreign Policy. 2004b. No. 141. P. 30—45. <https://doi.org/10.2307/4147547>
- Huntington S.* Who are We?: The Challenges to America's National Identity. New York, NY : Simon & Schuster, 2004a.
- Hurn B. J., Tomalin B.* Cross-Cultural Communication: Theory and Practice. London : Palgrave Macmillan UK, 2013. <https://doi.org/10.1057/9780230391147>
- Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* / ed. by J. Goldstein, R. O. Keohane. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993.
- Jessup J. M., Jessup M. L.* Doing Business in Mexico. Rocklin, CA : Prima Pub, 1993.
- Kaarbo J.* A Foreign Policy Analysis Perspective on the Domestic Politics Turn in IR Theory // International Studies Review. 2015. Vol. 17, no. 2. P. 189—216. <https://doi.org/10.1111/misr.12213>
- Kacowicz A. M.* Zones of Peace in the Third World: South America and West Africa in Comparative Perspective. Albany, NY : State University of New York Press, 1998.

- Keohane R. O.* International Institutions: Two Approaches // *International Studies Quarterly*. 1988. Vol. 32, no. 4. P. 379—396. <https://doi.org/10.2307/2600589>
- Kras E.* *Management in Two Cultures: Bridging the Gap Between U.S. and Mexican Managers*. Yarmouth, ME : Intercultural Press, 1995.
- Krasner S. D.* Westphalia and All That // *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* / ed. by J. Goldstein, R. O. Keohane. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. P. 235—264.
- Kratochwil F.* *Rules, Norms and Decisions: On the Conditions of Practical and Legal Reasoning in International Relations and Domestic Affairs*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1989. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559044>
- Kukla A.* The Structure of Self-Fulfilling and Self-Negating Prophecies // *Theory & Psychology*. 1994. Vol. 4, no. 1. P. 5—33. <https://doi.org/10.1177/0959354394041001>
- Lambert P.* Myth, Manipulation, and Violence: Relationships between National Identity and Political Violence // *Political Violence and the Construction of National Identity in Latin America* / ed. by W. Fowler, P. Lambert. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2006. P. 19—36. https://doi.org/10.1057/9780230601727_2
- Lantis J. S., Beasley R.* *Comparative Foreign Policy Analysis* // *Oxford Research Encyclopedia of Foreign Policy* / ed. by C. Thies. New York : Oxford University Press, 2018. P. 185—207. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.398>
- Lebow R. N.* *National Identities and International Relations*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316710982>
- Leidner D., Carlson S., Elam J., Corrales M.* A Multicultural Perspective of the Impact of EIS on Organizational Intelligence, Decision Making and Structure // *INSEAD Working Paper*. 1997. P. 1—29. URL: https://flora.insead.edu/fichiersti_wp/inseadwp1997/97-98.pdf (accessed: 05.06.2022).
- Lewis R. D.* *The Cultural Imperative: Global Trends in the 21st Century*. Yarmouth, ME : Intercultural Press, 2003.
- Martin L.* *Home Sweet Anywhere: How We Sold Our House, Created a New Life, and Saw the World*. Naperville, IL : Sourcebooks, 2014.
- Mendez A.* *Colombian Agency and the Making of US Foreign Policy: Intervention by Invitation*. Abingdon, UK : Routledge, 2017.
- Mendez A.* Latin America and the AIIB: Interests and Viewpoints // *Global Policy*. 2019. Vol. 10, no. 4. P. 639—644. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12733>
- Mendez A., Alden C.* China in Panama: From Peripheral Diplomacy to Grand Strategy // *Geopolitics*. 2021. Vol. 26, no. 3. P. 838—860. <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1657413>
- Mendez A., Turzi M.* *The Political Economy of China — Latin America Relations: The AIIB Membership*. New York : Palgrave Pivot, 2020.
- Merke F.* English School and Constructivism // *Routledge Handbook of Latin American Security* / ed. by D. R. Mares, A. M. Kacowicz. London : Routledge, 2016. P. 88—97.
- Merton R.* The Self-Fulfilling Prophecy // *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8, no. 2. P. 193—210. <https://doi.org/10.2307/4609267>
- Oelsner A., Vion A.* Friends in the Region: A Comparative Study on Friendship Building in Regional Integration // *International Politics*. 2011. Vol. 48, no. 1. P. 129—151. <https://doi.org/10.1057/ip.2010.37>
- Onuf N. G.* International Relations in a Constructed World // *Constructivism: A User's Manual* / ed. by V. Kubáľkova, N. G. Onuf, P. Kowert. Armonk, NY : M.E. Sharpe, 1998. P. 58—70.
- Onuf N. G.* *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1989.
- Osgood C. E.* *Perspective in Foreign Policy*. Palo Alto, CA : Pacific Books, 1966.
- Penn J. R.* *Rivers of the World: A Social, Geographical, and Environmental Sourcebook*. Santa Barbara, CA : ABC-CLIO, 2001.
- Raat W. D., Brescia M. M.* *Mexico and the United States: Ambivalent Vistas*. Athens, GA : University of Georgia Press, 2010.
- Radcliffe S. A., Westwood S.* *Remaking The Nation: Place, Identity and Politics in Latin America*. London : Routledge, 1996.
- Riggirozzi P., Tussie D.* Rethinking Our Region in a Post-Hegemonic Moment // *Post-Hegemonic Regionalism in the Americas: Toward a Pacific—Atlantic Divide?* / ed. by J. Briceño-Ruiz, I. Morales. London : Routledge, 2017. P. 16—31.
- Roniger L.* Favors, “Merit Ribbons,” and Services // *Clientelism in Everyday Latin American Politics* / ed. by T. Hilgers. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2012. P. 25—40. https://doi.org/10.1057/9781137275998_2
- Searle J. R.* *The Construction of Social Reality*. New York, NY : The Free Press, 1995.
- Sheingate A. D.* Political Entrepreneurship, Institutional Change, and American Political Development // *Studies in American Political Development*. 2003. Vol. 17, no. 2. P. 185—203. <https://doi.org/10.1017/S0898588X03000129>

- Sikkink K.* Latin America and the Idea of International Human Rights // *Routledge Handbook of Latin America in the World* / ed. by J. I. Dominguez, A. Covarrubias. Abingdon, UK : Routledge, 2015. P. 349—361.
- Sikkink K.* The Power of Principled Ideas: Human Rights Policies in the United States and Western Europe // *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* / ed. by J. Goldstein, R. O. Keohane. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. P. 139—170.
- Sotomayor A. C.* Legalizing and Judicializing Territorial and Maritime Border Disputes in Latin America: Causes and Unintended Consequences // *American Crossings: Border Politics in the Western Hemisphere* / ed. by M. Jaskoski, A. C. Sotomayor, H. A. Trinkunas. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2015. P. 38—65.
- Standish P., Bell S. M.* Culture and Customs of Mexico. London : Greenwood Press, 2004.
- Stephens G. K., Greer C. R.* Doing Business in Mexico: Understanding Cultural Differences // *Organizational Dynamics*. 1995. Vol. 24, no. 1. P. 39—55. [https://doi.org/10.1016/0090-2616\(95\)90034-9](https://doi.org/10.1016/0090-2616(95)90034-9)
- Stigler G. J.* The Theory of Economic Regulation // *The Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2, no. 1. P. 3—21. <https://doi.org/10.2307/3003160>
- Stoessinger J. G.* China and America: The Burden of Past Misperceptions // *Image and Reality in World Politics* / ed. by J. C. Farrell, A. P. Smith. New York : Columbia University Press, 1967. P. 72—91.
- Sullivan M. P.* Theories of International Relations: Transition vs Persistence. New York : Palgrave Macmillan US, 2001. <https://doi.org/10.1057/9780230107335>
- The Diplomacies of Small States: Between Vulnerability and Resilience* / ed. by A. F. Cooper, T. M. Shaw. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230246911>
- Thornton C.* A Mexican International Economic Order? Tracing the Hidden Roots of the Charter of Economic Rights and Duties of States // *Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development*. 2018. Vol. 9, no. 3. P. 389—421. <https://doi.org/10.1353/hum.2018.0020>
- Toranzo Roca C. F.* Diversidad étnica y cultural. La Paz, Bolivia : Instituto Latinoamericano de Investigaciones Sociales, 1992.
- Vermeer-Künzli A.* The Merits of Reasonable Flexibility: The Contribution of the Law of Treaties to Peace // *Peace through International Law: The Role of the International Law Commission. A Colloquium at the Occasion of its Sixtieth Anniversary* / ed. by G. Nolte. Heidelberg, Germany : Springer, 2009. P. 67—104. https://doi.org/10.1007/978-3-642-03380-3_8
- Vucetic S.* Identity and Foreign Policy // *Oxford Research Encyclopedia of Foreign Policy* / ed. by C. Thies. New York : Oxford University Press, 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.435>
- Waltz K.* Theory of International Politics. London : Addison-Wesley Publishing Company, 1979.
- Weeks G.* U.S. and Latin American Relations. Chichester, West Sussex, UK : Wiley Blackwell, 2015.
- Wehner L.* From Rivalry to Mutual Trust: The Othering Process between Bolivia and Chile // *GIGA Working Papers*. 2010. No. 135. P. 1—26. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1616642>
- Wendt A.* Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, no. 2. P. 391—425. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027764>
- Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State // *The American Political Science Review*. 1994. Vol. 88, no. 2. P. 384—396. <https://doi.org/10.2307/2944711>
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
- Wiarda H. J.* Democracy and Its Discontents: Development, Interdependence, and U.S. Policy in Latin America. London : Rowman & Littlefield Publishers, 1995.
- Wight C.* Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491764>
- Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore, MD : The Johns Hopkins Press, 1962.
- Zhang Xin.* Chinese Capitalism and the Maritime Silk Road: A World-Systems Perspective // *Geopolitics*. 2017. Vol. 22, no. 2. P. 310—331. <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1289371>

Сведения об авторах: Турци Мариано — доктор наук (латиноамериканские исследования), профессор международных отношений Университета Центра макроэкономических исследований Аргентины; ORCID: 0000-0002-4370-6412; e-mail: marianoturzi@uca.edu.ar
Мендес Альваро — доктор наук (международные отношения), содиректор подразделения Глобального Юга аналитического центра LSE IDEAS, старший научный сотрудник Лондонской школы экономики и политических наук; ORCID: 0000-0002-0919-5081; e-mail: a.mendez@lse.ac.uk